

Ирина МягкаяИллюстрация **Сергея Дергачева**

Они пришли

Все было нормально. Не рай на Земле, но жить можно. Было.

В марте прибыла первая группа переселенцев, целых восемьсот человек. Новостные каналы трубили об этом на всю планету и, не разобравшись, обозвали их инопланетянами. Как же, большое событие, первый контакт!

Этот день я прекрасно помню, потому что у меня все валилось из рук, просто напасть какая-то. Утро понедельника и без происшествий никому не нравится. Сначала сбойнула туалетно-душевая кабинка, пока я внутри справлял свои надобности. Чертова штуковина заблокировала двери и не выпускала меня, пока система искала и исправляла ошибки. Потом я по запарке кинул в мусоропровод полный пакет с кофе вместо пустой упаковки.

Ругаясь на чем свет стоит, опаздывая, и без привычной дозы кофеина в крови, я побежал на стоянку и понял, что всех хомячков разобрали. Так мы называем зицрейты. В Москве их зовут табуретками, что тоже обоснованно, поскольку городской вариант – это и есть табуретка с колесиками, накрытая плексигласовым куполом, похожим на шарик для хомячков. Чтобы разгрузить транспортные пути, наш мэр основал муниципальные стоянки с хомяками общего пользования. Теперь каждое утро превращалось в игру «музыкальный стул» — нужно успеть занять табуретку раньше соседей, потому что на всех не хватит. Сегодня я проиграл, пришлось ехать на автобусе, зажатый между чьей-то не по погоде потной подмышкой и работягой, дышащим на меня вчерашним перегаром.

В результате на работу я примчался взъерошенный, уже уставший и злой, как бабка у подъезда. Я тогда работал в типографии оператором, на мне был цех постпечати. Макс из печатной уже привез мне полную тележку работы. Я взял лист А3 с рисунком летающей тарелки, из которой высовывался зеленый человечек на редкость похабного вида.

— Это что за дрянь? — спросил я.

— С утра заказали тыщу постеров, вечером заберут, — доложил Макс.

— Зачем кому-то они понадобились? — задал я риторический вопрос. Заказы у нас бывают очень странные.

— Ты что, новости еще не смотрел? — догадался Макс. — Врубай, ты обалдеешь! К нам прилетели инопланетяне!

Тот заказ так и не забрали, потому что к вечеру он уже потерял актуальность. Инопланетяне оказались вполне себе людьми, родом с самой что ни на есть Земли. Только с Земли-ноль, как они ее называли. А мы живем на Земле-один.

Впервые в истории типографского дела в массовую продажу стали поступать тетради и блокноты с лицами ученых на обложках. Весь мир тогда свихнулся на физике, темной энергии, теории струн и прочей научной ерунде. Я терпеливо ждал, когда это безумие закончится, нарезая календари с художественным изображением моста Энштейна — Розена, чем бы эта штука ни была, голографические плакаты с лицом Адама Штайна, молодого физика-теоретика, ставшего в одночасье популярнее рок-звезд, и меню для забегаловок с новыми названиями коктейлей, вроде «Темная материя» и «Квантовая нестабильность», надерганными из Виртпедии. Любое яркое событие хорошо сказывается на типографском бизнесе.

Собственно, я так был завален работой, что даже не обращал внимания на суть происходящего. Ну появилась толпа народа из другого мира, у них там какая-то беда, вот они и подались в бега. Какая мне разница? Завтра обнаружат, например, внебрачного ребенка у какого-нибудь политика, и все тут же забудут о почти инопланетянах.

Единственное, что мне показалось сколько-нибудь интересным, это двойники. У некоторых из прибывших нашлись точные копии в нашем мире, с той же внешностью и похожей биографией. Заинтригованный, я даже посмотрел пару интервью с ноль-переселенцами и их один-версиями. Но это оказалась нудятина жуткая: сплошные пересуды о том, кто на ком женился, кто на кого учился. И долгие размазывания соплей — ах, какая у нас ужасная беда случилась, бедные мы, несчастные.

А потом наступил май, и нахлынула вторая волна: два миллиарда переселенцев.

Из забавной новинки попаданцы превратились в проблему, грозящую перерасти в катастрофу. Первая группа была собрана из взрослых, образованных и готовых к сотрудничеству людей. Однако новые пришельцы были оборваны и голодны, многие больны. Они прибыли целыми семьями, с детьми и всеми своими нехитрыми пожитками. И что с ними делать? Правительство одной страны решило избавиться от этой докучки просто выгнав нелегалов за кордон, но встретило яростный отпор как со стороны соседнего государства, куда хотели отвезти пришельцев, так и от своих же граждан.

У многих ноль-землян обнаружались один-родственники, которые признали свою дальнюю, очень дальнюю родню.

По головизору непрерывно крутили приторные сюжеты с вновь обретенными родителями или детьми. Наша типография спешно печатала афиши: известный певец открыл новый концертный тур, в котором собирался петь дуэтом с самим собой. В виртнете обсуждался очередной скандал: киностудия уволила знаменитого актера и заменила его двойником, который согласен работать за меньший гонорар. Какая-то старлетка взлетела на волну популярности, опубликовав домашнее видео с собой и своей копией, а затем была облита общественным презрением, когда желтый журналист доказал, что видео поддельное и никакого двойника у нее нет.

Но в целом Земля выдержала нашествие. Жилищный вопрос стал острее, уровень безработицы вырос, а средний доход упал, в нескольких странах прокатилась эпидемия гриппа, привезенного из другого мира, но в целом – да, выдержали.

А потом наступил октябрь.

Радио бубнило что-то о «криминальной драме, разыгравшейся в обычной московской семье». У отца семейства объявился не просто двойник, а настоящий допельгангер, который убил свою один-версию, забрал его одежду и документы и притворялся самим собой целый месяц. Жена узнала, что несколько недель жила с чужаком, когда случайно увидела его поясницу и не обнаружила там татуировки-бабочки, сделанной в пьяной юности. Диктор настоятельно рекомендовал проверить особые приметы у своих родных. Я дослушал сюжет и помчался на работу, даже не заглянув в почтовый ящик, хотя там моргал значок нового сообщения. Приеду — посмотрю.

Однако на работе ждала подлянка: авторезак встал. Диагностика подтвердила, что встал он надолго, до тех пор, пока не прибудет техник с запчастями из главного офиса. И конечно, заказ нужно сдать уже вчера. Пришлось выкатывать из дальнего угла кладовки доисторического монстра, гильотину с ручной подачей бумаги, и мучиться на ней. Почту я так и не проверил. А зря.

Домой я приполз, выжатый, как тряпка в центрифуге. Планы на вечер у меня были нехитрыми, но крайне желанными. «Душ-ужин-спать, душ-ужин-спать», — вертелось в голове, когда лифт нес меня на тридцать третий этаж. Ни желания, ни намерения встречать свою судьбу именно сейчас у меня не было, но кого волнует мое мнение?

Она сидела на корточках у моей двери, явно устав от долгого ожидания. Рядом стояла спортивная сумка с ввалившимися боками. Я так оступел от усталости, что просто прошел мимо, не сообразив, что девушка ждет именно меня, пока она не тронула мой локоть.

— Ясу Станиславович Кузнецов, — скорее утвердительно, чем с вопросом произнесла она.

Я молча кивнул.

— А я Джена. Джена Станиславовна Кузнецова, — представилась девушка и робко улыбнулась. Я начал что-то понимать. Эту улыбку я знаю, видел на фотографиях, на видео- и голозаписях, а иногда и в зеркале. Ноль-сестра?

Я осмотрел девушку долгим внимательным взглядом, замечая одну знакомую деталь за другой. Горнило генетики выплатило один и тот же материал в разные формы. Я был длинным, тощим и нескладным, а она – высокой и стройной. Я стригся очень коротко, потому что жесткие, как щетка, волосы имели склонность торчать под разными углами. У нее была роскошная грива, обрамляющая немного лисье личико. Едва намеченная ямочка на остром подбородке, немного азиатский разрез глаз, широкий покаты лоб — все, что я ненавидел в себе, в ней вызывало восхищение. И шрам у левого уголка губ. Второй должен быть на затылке, на границе волос.

В детстве я сковырнулся с больших качелей, упал ничком и набил себе полный рот песка. Я приподнял голову, и металлическое сиденье врезало мне по затылку, опрокинув навзничь. Но я был не слишком умным ребенком, поэтому снова попытался встать. Качели ударили прямо в лицо. Когда я пришел домой весь в крови и без передних зубов, мама чуть не потеряла сознание. Качели демонтировали тем же вечером. А жаль, на них здорово было делать «солнышко».

Интересно, а бывают двойники другого пола?

Не глядя мазнув рукой по замку, я жестом пригласил Джину войти.

— Когда ты прибыла? — спросил я.

— Ночью. Ты еще не знаешь? Мне сказали, что отправят тебе уведомление.

— Третья волна, да?

Она кивнула.

— И сколько вас? — заинтересовался я.

Она потупилась.

— Примерно... — Ее голос сорвался, ей пришлось прокашляться. — Примерно четыре миллиарда в мире. Триста тысяч во Владивостоке.

Я сглотнул. Земля едва не подавилась двумя миллиардами, еще четыре... И что это значит лично для меня?

Ну, для начала, это значит, что Джена стала моей заботой. Первую волну приняли с распростертыми объятиями, их обеспечили всем необходимым и более того. Во второй волне власти помогали только тяжело больным и малолетним сиротам. У меня было подозрение, что третью волну предоставят самой себе. Кроме меня, у Джены никого нет.

— Ты одна? — с замиранием сердца спросил я. — Есть родители, дети... муж?

Она печально покачала головой:

— Родители погибли еще в начале Конца Света. Больше никого нет.

Усилием воли я сдержал вздох облегчения. Значит, в мою квартиру площадью в шесть татами не набегит толпа незнакомых родственников.

Пока я разогревал два пакета с готовыми обедами, Джена оккупировала кабинку. Я вежливо не оборачивался, пока она меня не позвала. Нужно будет купить ширму. Мы молча и жадно ели, смотрели новости и не могли им поверить.

Мир разваливался на наших глазах.

В Штатах группа рабочих, которых заменили дешевой ноль-иммигрантской рабочей силой, затеяла пальбу по толпе новоприбывших.

Психологи в замешательстве, по всему миру зарегистрировано множество самоубийств подростков и пожилых людей с запиской: «Оставляю все двойнику».

В Каире произошел самый крупный случай массовой истерии: тысячи человек пробежали через весь город, как испуганное стадо, не разбирая дороги и давя все на своем пути.

В Ирландии две тысячи человек были депортированы на материк, но перевозящее их судно затонуло. Выживших нет, версия о саботаже отвергается представителями властей.

И дальше, больше, страшнее...

Я нарушил молчание первым:

— Там, откуда ты родом, неужели там хуже, чем здесь?

В ее глазах стояли слезы.

— Здесь хотя бы у некоторых есть шанс. — Голос был надтреснутым, но уверенным. — Дома его нет ни у кого.

— А что там у вас вообще случилось?

— Я не знаю подробностей. — Она вздохнула. — Это называют второй кислородной катастрофой.

— Мало кислорода осталось? — не понял я.

— Нет. — Джена грустно усмехнулась. — Совсем наоборот. Все началось давно, я еще маленькая была. Мировой экосоюз запустил глобальную программу очистки от микропластика.

— У нас тоже такая была, — невесть чему обрадовался я. — Мы наноботами чистили.

— А мы модифицированной хлореллой, потому что она еще и кислород вырабатывает. И первое время все хорошо шло, правда, хорошо. Бабушка все время говорила, что от воздуха она помолодела, такой он свежий. В школе постоянно рассказывали, что когда «наши маленькие помощники», — девушка зло передразнила кого-то, — разложат мусор до безопасных веществ, они перестанут размножаться и вымрут. Только почему-то они не вымерли. Почему-то их с каждым годом становилось все больше, и у нас не получилось их остановить.

— И они заполнили всю планету? — ужаснулся я, представив заросли из водорослей, через которые прорубается человечество. — Не понимаю, что в этом ужасного?

— Кислород. Хлорелла вырабатывает кислород. Много хлореллы — много кислорода. — Джена говорила со мной, как с умственно отсталым ребенком, но я не стал раздражаться. В конце концов, у нее выдался тот еще денек.

— От кислорода люди только здоровее становятся, нет? В аптеках у нас продают кислородные маски и всякие напитки с кислородом.

— А у нас в аптеках были респираторы, когда мы еще могли выходить наружу. Только родители отравились кислородом раньше, чем их стали продавать.

Я не знал, как утешить человека, потерявшего целый мир.

Потом моя двойняшка принялась распаковывать вещи, а я быстро ополоснулся под еле теплыми струями — лимит горячей воды на сегодня приближался к нулю. Нужно вписать Джена в жильцы. Нужно позвонить маме. Нужно дать Джене денег. Нужно, нужно, нужно... Но все завтра.

Мы вяло поспорили, кто займет кровать, а кто ляжет на полу, но этот безумный день способствовал быстрым компромиссам, поэтому мы улеглись спиной друг к другу и мгновенно уснули.

С момента нашей встречи у меня и мысли не было о том, чтобы выставить свою зазеркальную копию вон. Я принял ответственность, как только понял, кто она, а когда познакомился с ней поближе, понял, что она бы сделала то же самое. Мы были очень похожи. Мы были совершенно разными.

Джена потом редко говорила о Конце Света. Я не спрашивал, но полез в Виртнет и принялся выискивать информацию сам. Нудные интервью внезапно стали интересными, а хайп вокруг темы приобрел для меня личную окраску.

Четвертой волны не будет, все, кто мог уйти с ноль-Земли, спаслись — треть населения планеты. Сбежали из гибнущего мира, чтобы оказаться расстрелянными, утопленными, сосланными в резервации. Аналитики уже говорили о грядущем голоде, самые мрачные пугали разрушительными войнами и эпидемиями.

Толпа ученых разыскала своих ноль-собратьев и в экстазе клепала одно открытие за другим. Заявили, что Земля-ноль и Земля-один были единым миром всего тридцать с копейками лет назад, а потом как-то разошлись, как ветки рогатки. Открытие столь же интересное, сколь и бессмысленное. Лучше бы придумали, как дальше жить.

Во всех передачах, шоу и интервью задавали один вопрос: «А вы не можете вернуться?» Важные люди обещали ноль-землянам деньги, технику, ресурсы и пару новых коньков в придачу, лишь бы те убрались туда, откуда пришли. Но ответ был неутешительным: «Мы не можем. Создатели транспортера пожертвовали собой и остались на Земле-ноль». А до такой технологии здесь никто не додумался. Да и если бы додумались, толку-то? Их супермегагалакомп выдал одну-единственную возможную точку перемещения, разумный человек туда бы и не сунулся. А они полезли всеми шестью миллиардами. Раньше страдал один мир, теперь страдают два.

Больше всего я боялся, что меня уволят, тогда нам с Дженой придется совсем туго. Но хозяин типографии оказался нольфобом, он принципиально не нанимал

пришельцев. Вместо них он нанял кучу один-безработных, а меня поставил командовать филиалом. За прежнюю зарплату. Кто-то из умных людей сказал, что повышение в должности без увеличения оклада — это понижение, но я просто был рад тому, что мог купить нам еды. А Джена бегала по городу в поисках любой, ну хоть какой-нибудь работы.

— Скоро за работу будут не платить, а брать деньги, — невесело шутила она, в очередной раз возвращаясь ни с чем. — Зато прогулялась по городу. Как же приятно просто дышать!

— И как, похож наш город нашенский на ваш город вашенский? — сменил я тему.

— И похож, и непохож. — Джена задумалась. — Как будто я вернулась после долгого отсутствия и не узнаю знакомые места. У меня все время такое ощущение, что я смотрю экранизацию любимой книги: все похоже, но совсем не то.

Я ее понимал. Я смотрел на Джenu и узнавал себя, и все же она оставалась загадкой. Как-то мы разговорились о прошлом:

— Представляешь, я смогла поступить на машиностроительный, потому что набрала ровно на один балл больше, чем необходимый минимум! Всего один! Можешь поверить?

— Могу, — ворчал я. — Я недобрал ровно один балл до минимума и пролетел с мажстром.

Мы листали школьные фото, сравнивая воспоминания. В седьмом классе я был без памяти влюблен в первую красавицу класса Юлю. Джена подралась с ней и была отстранена от занятий на месяц. В десятом классе мою жизнь отравлял драчливый придурок Алекс. Джена встречалась с ним полгода. Зато мы оба ненавидели учителя по базовому программированию, сбегали с физкультуры в соседнюю кафешку и обожали шоколадные слойки из школьного автомата.

Родители отнеслись к появлению Джены в моей жизни довольно равнодушно. Отец встретил свою давнюю потерянную любовь. Ноль-любовь. И он, и мама теперь находились в полном раздрае чувств, и я не стал вступать между молотом и наковальней. Со своими бы чувствами разобраться.

Потому что технически, точнее, генетически, мы с Дженой были братом и сестрой. От разных отцов и матерей, но несущие в себе одну ДНК. А мое отношение к ней с каждым днем было все дальше от братского. Для этого извращения даже имени еще не придумали. Инцестонарциссизм? Гетероаутофилия? И ситуацию не улучшало то, что мы живем в тесной комнате без каких-либо надежд изменить жилищное положение. И нам еще повезло, хвала бабушке, завещавшей мне квартиру. Цены на аренду сейчас были нереальными, в квартире на восемь татами жили по шесть человек.

Но жизнь как-то текла. То лучше, то хуже. Недавно передавали, что количество усыновленных детей достигло рекордной отметки — люди стали помогать друг другу. Какой-то богач отдал все свое состояние, кроме

прожиточного минимума, на расчистку Припяти, туда уже отправились первые команды добровольцев. Обещают, что максимум через пять лет территория будет пригодна для заселения, но власти Украины на всякий случай наложили десятилетний запрет на въезд туда несовершеннолетних. Канада отдала под сельскохозяйственные нужды один заповедник, предварительно взяв образцы ДНК у каждой букашки. Сказали, что это временная мера, позже они заново засадят все лесом и населят лосями и волками. В это даже лоси не верят, но все вежливо молчат.

В декабре все почему-то приободрились, поздравляли друг друга с тем, что этот кошмарный год закончился. Тридцать первого в типографии был короткий день, так что в пять я уже шел домой, когда мне позвонила Джена.

— Я дождалась! Помнишь, я стояла в очереди на вакансию кассира? Меня взяли!

— Поздравляю! Когда приступаешь?

— Сзавтрашнего дня. Отлично начало нового года! — Ее голос звенел, а я представлял себе, как блещат ее глаза, как мило она сейчас улыбается.

Никогда не понимал, о чем думают девушки. Однажды моя бывшая сокурсница сообщила мне, что была в меня влюблена десять лет назад, а я-то думал, что она просто плохо училась, поэтому просила меня помогать с лабораторками. И ни в один из долгих вечеров, когда мы сидели, склонившись над учебником голова к голове, я так ничего и не понял. Но Джена — не просто какая-то девушка. Я знаю ее, как самого себя. Мне нужно понять.

Я шел по длинным рядам маркета, не глядя складывая в тележку всякую всячину, а мои мысли были заняты Дженой. Почему-то мне казалось, что мои чувства не такие уж и неразделенные. Она не встречалась с другими мужчинами. Она мне улыбалась. Когда мы смотрели фильмы по вечерам, она могла уснуть, положив мне голову на плечо. Она помнила, на что у меня аллергия... Стоп, я дурак. У нее такие же аллергии, как и у меня. Но все же, все же...

У кассы стоял стенд с искусственными цветами. Я было выдернул из него букет роз, но понял, что они мне не нравятся. Значит, не понравятся и ей. Вместо роз я выбрал персиковые фантазийные цветы. С кружевными лепестками и ароматом сливы и орхидеи, как гласила инструкция.

Признаюсь ей, и будь что будет. Если нет — то просто забудем об этом разговоре, она меня поймет. Сегодня лифт поднимался как-то особенно медленно. На меня накатывало то радостное предвкушение, то смертельный ужас. И все же я был счастлив, пока створки лифта не открылись на моем этаже.

Он стоял у двери. Я узнал его и не поверил своим глазам: ямочка на подбородке, немного азиатский разрез глаз, широкий покаты́й лоб, шрам у губ.

— Я тоже жил в бабушкиной квартире, — сказал незнакомец моим голосом.

Так пришла Новая волна с Земли-два.